

О НЕОБХОДИМОСТИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА БЕЗ НЕГАТИВНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ДЛЯ ЕГО УЧАСТНИКОВ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-1-50-58>

В работе дана характеристика дознания в сокращенной форме как результата законодательной дифференциации уголовного судопроизводства. Авторы выражают сомнение в эффективности такой формы дознания, подтвержденное аргументами других ученых и собственными выводами. Предметом настоящего исследования являются общественные отношения, складывающиеся по поводу производства дознания в сокращенной форме. Целью написания статьи является исследование эффективности осуществления дознания в такой форме и перспектив осуществления этой формы дознания, а также последующего рассмотрения оконченного в такой форме расследования уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства. Методологическую основу работы составили общенаучные методы познания, а также частнонаучные методы, такие как формально-юридический, историко-логический, метод правового моделирования и другие методы в их различном сочетании. В работе сделан вывод о том, что законодателью следует обратить внимание на тот факт, что отдельные процессуальные процедуры перестали гарантировать соблюдение прав вовлеченных в производство по делу участников и объективный результат расследования и судебного разбирательства.

РАТЬКОВ

Александр Николаевич

кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры уголовно-
правовых дисциплин Сочинского
филиала Всероссийского
государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)
(г. Сочи)

sochiran@mail.ru

ФОМЕНКО

Елена Владимировна

кандидат юридических наук,
доцент, ведущий научный
сотрудник Центра научных
исследований Всероссийского
государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)
(г. Москва)

89266006361@mail.ru

ЯКОВЛЕВ-ЧЕРНЫШЕВ

Василий Александрович

студент 3-го курса юридического
факультета Сочинского филиала
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России) (г. Сочи)
basil.yakovlev@mail.ru

**Дознание в сокращенной
форме;
дифференциация уголовного
судопроизводства;
защита прав участников
судопроизводства;
эффективность судебного
рассмотрения уголовных дел**

Alexander N. RATKOV

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department
of Criminal Law Disciplines,
Sochi Branch of All-Russian State
University of Justice (Sochi)
sochiran@mail.ru

**ON THE NEED TO DIFFERENTIATE CRIMINAL
PROCEEDINGS WITHOUT NEGATIVE CONSEQUENCES
FOR ITS PARTICIPANTS**

The paper gives an abbreviated description of the inquiry as a result of the legislative differentiation of criminal proceedings. The authors express doubts about the effectiveness of this form of inquiry, confirmed by the arguments of other scientists and their own conclusions. The subject of this study is the social

Elena V. FOMENKO

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Leading
Researcher, Center for Scientific
Research, All-Russian State University
of Justice (Moscow)
89266006361@mail.ru

Vasily A. YAKOVLEV-CHERNYSHEV

Third-Year Student, Faculty of Law,
Sochi Branch of All-Russian State
University of Justice (Sochi)
basil.yakovlev@mail.ru

**Inquiry in an abbreviated form;
differentiation of criminal
proceedings;
protection of the rights
of participants in legal
proceedings;
effectiveness of judicial review
of criminal cases**

relations that develop regarding the production of an inquiry in an abbreviated form. The purpose of writing the article is to study the effectiveness of the implementation of the inquiry in this form and the prospects for the implementation of this form of inquiry, as well as the subsequent consideration of the investigation of the criminal case completed in this form in a special procedure for the trial. The methodological basis of the work was formed by general scientific methods of cognition, as well as private scientific methods, such as: formal-legal, historical-logical, legal modeling method and other methods in their various combinations. The paper concludes that the legislator should pay attention to the fact that certain procedural procedures no longer guarantee the observance of the rights of the participants involved in the proceedings and the objective result of the investigation and trial.

Под дифференциацией, как свидетельствуют словари, понимается разделение, расчленение, расслоение целого на различные части, формы и ступени [1, с. 175]. Дифференциация уголовного судопроизводства предполагает возможность применения как усложненных процедур расследования и рассмотрения уголовных дел, так и процедур, упрощающих производство следственных и процессуальных действий, судебного разбирательства уголовных дел. Дифференцируя уголовное судопроизводство, законодатель, естественно, преследует цель повышения эффективности как досудебного производства, так и судебного рассмотрения уголовных дел. При этом эффективным обычно признают такой способ производства, который позволяет получить наилучший результат с наименьшими затратами и в кратчайшие сроки [2, с. 16].

Анализ действующего уголовно-процессуально-го законодательства дает основание полагать, что стремление законодателя достичь этой цели породило процессуальные процедуры, которые перестали гарантировать соблюдение прав вовлеченных в производство по делу участников и объективный результат расследования и судебного разбирательства. Если раньше в уголовном процессе закреплялся практически единый порядок судопроизводства для всех судов, органов прокуратуры, предварительного следствия и дознания, что имело под собой веские

основания¹, то сегодня отечественное законодательство изобилует различными возможными вариантами производства по уголовным делам, как на досудебных стадиях, так и в суде. Оставляя за рамками этого краткого исследования усложненные процедуры производства по уголовным делам², поскольку они включают в себя дополнительные гарантии соблюдения прав вовлекаемых в процесс лиц, остановимся на некоторых упрощенных (ускоренных, сокращенных) видах производства, закрепившихся в действующем УПК РФ. В целом к таким видам производства относят дознание в общем порядке; дознание в сокращенной форме; порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обви-

¹ Такое однозначное закрепление процедуры судопроизводства в УПК РСФСР 1960 г. объяснялось ответной реакцией на репрессии 1930-х и последующих годов, когда изъятия из общего порядка судопроизводства способствовали забвению процессуальных гарантий и сами стали служить источником распространения нарушений законности.

² К усложняющим по сравнению с исходными порядками производства (порядок предварительного следствия и обычного судебного разбирательства) относятся такие виды, как: производство в суде с участием присяжных заседателей; производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних; производство о применении принудительных мер медицинского характера; производство по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц.

нением; порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве; производство по уголовным делам частного обвинения; производство о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Но, как нам представляется, наиболее проблематичными являются регламент дознания в сокращенной форме и последующего рассмотрения окончательного в такой форме расследования уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства.

Сомнения в эффективности дознания в сокращенной форме высказывались еще в период обсуждения проекта закона о введении такого нового вида производства в УПК РФ. С принятием Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, которым эта упрощенная уголовно-процессуальная форма все-таки была введена (гл. 32.1 УПК РФ), сомнения в ее целесообразности лишь укрепились, родились новые вопросы, вызванные теперь уже законодательно закрепленным порядком осуществления расследования в сокращенной форме дознания.

Попробуем обрисовать хотя бы некоторые проблемы, связанные с дознанием в сокращенной форме, последовательно двигаясь по статьям Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК РФ), регламентирующим его производство.

Согласно ст. 226.1 УПК РФ одним из трех обязательных оснований для производства дознания в сокращенной форме является признание подозреваемым своей вины. Получение таких показаний критически оценивается представителями уголовно-процессуальной науки. Например, Ю. В. Кувалдина и В. А. Лазарева считают, что «процедура получения признания вины подозреваемого крайне ненадежна с точки зрения защиты его прав» [3, с. 57]. Авторы указывают, что фактически дознаватель должен получить признание вины подозреваемого до его допроса, при этом, ссылаясь на п. 2 ч. 4 ст. 46 УПК РФ, они приходят к выводу, что «единственным способом получения признания вины подозреваемым до его первого допроса выступают объяснения». Далее они отмечают, что согласно п. 8 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника становится обязательным лишь с момента заявления подозреваемым ходатайства о производстве расследования в сокращенной форме дознания. Следовательно, присутствие защитника во время получения признания подозреваемого в совершении инкриминируемого ему преступления не обеспечивается [там же]. Представляется, что в этом случае, во-первых, нарушаются права подозреваемого, а во-вторых, под сомнение ставится доказательственное значение полученных признательных объяснений. Ведь даже показания подозреваемого, данные в ходе досудебного производства в отсутствие защитника и не подтвержденные в суде, согласно п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ признаются недопустимыми доказательствами.

Другие авторы в этой же связи предлагают, например, разграничивать понятия «признание вины» и «согласие с обвинением», поскольку согласие с обвинением само по себе свидетельствует не о признании вины, а о констатации предъявленного органами предварительного расследования обвинения [4, с. 111]. Однако заменить в рассматриваемых условиях возможности производства сокращенного дознания «признание вины» на «согласие с обвинением» не получится, так как обвинение при дознании формулируется лишь в самом конце расследования. В то же время нельзя не согласиться с мнением Н. Н. Ковтуна, который правильно утверждает, что установить вину может только суд, а признание вины в качестве одного из условий сокращенного дознания является нарушением принципа презумпции невиновности [5]. Кроме того, в этом случае виновность лица в совершенном деянии презюмируется изначально, а это приводит к тому, что по итогам судебного разбирательства возможность вынесения оправдательного приговора исключается.

Нам выход видится в том, что в п. 2 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ слова «признает свою вину» следует исключить и изложить его в следующей редакции: «подозреваемый признает характер и размер причиненного преступлением вреда, правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела». При такой формулировке мы уходим от указания на признание вины, но признание подозреваемого все равно фиксируется, поскольку признание правовой оценки своего деяния и есть согласие с предстоящим обвинением.

В следующей статье гл. 32.1 УПК РФ (ст. 226.2) предусмотрены обстоятельства, исключающие производство дознания в сокращенной форме. Необходимость закрепления одного из предусмотренных в норме обстоятельств представляется излишней. Так, В. М. Герасенков отмечает, что в п. 2 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ исключающим обстоятельством является наличие основания для производства о применении принудительных мер медицинского характера в соответствии с гл. 51 УПК РФ. При этом ч. 2 этой же нормы предписывает, что если имеются обстоятельства, исключающие производство дознания в сокращенной форме, то дознание должно осуществляться в общем порядке. Но такое требование вступает в противоречие с ч. 1 ст. 434 УПК РФ, согласно которой при наличии таких обстоятельств любое дознание по делу исключается и расследование может проводиться только в форме предварительного следствия [6]. Следовательно, этот пункт рассматриваемой нормы нельзя признать уместным, и, как представляется, он должен быть исключен.

Далее, п. 6 ч. 1 этой же ст. 226.2 УПК РФ содержит запрет на производство дознания в сокращенной форме, если потерпевший возражает против тако-

го производства. Возникает уместный вопрос: почему публичное уголовное преследование поставлено в зависимость от частного лица – потерпевшего? Еще на этапе обсуждения проекта закона о введении сокращенного дознания, А. С. Александров и М. В. Лапатников предлагали отказаться от процедуры согласования с потерпевшим решения о проведении расследования в сокращенном формате. «Надо оставить ему только право обжалования данного постановления в порядке ст. 125 УПК РФ. Иначе хвост будет вилять собакой», – делали они вывод [7, с. 16]. Но законодатель не посчитал нужным учесть такое замечание, и потерпевший оставлен в числе частных лиц, имеющих право решать быть сокращенно или полному дознанию. Нужно заметить, что такое законодательное установление влияет на практику расследования, вынуждая «смело» переходить на сокращенное дознание лишь в тех случаях, когда потерпевшим по делу выступает не частное лицо.

Не лишена недостатков и ст. 226.3 УПК РФ, устанавливающая права и обязанности участников расследования в сокращенной форме дознания, где опять камнем преткновения выступает потерпевший.

Е. Н. Арестова и Н. И. Крюкова, анализируя содержание этой статьи, высказывают сомнения по поводу целесообразности закрепления в ней права потерпевшего на отказ от проведения дознания в сокращенной форме, который он может заявить вплоть до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора [8, с. 12–16]. По мнению авторов, это может перечеркивать замысел законодателя об упрощении процедуры производства по делу. Они считают, что возражения потерпевшего не должны быть обстоятельством, препятствующим проведению дознания в сокращенной форме. Решение данной проблемы видится в том, что подозреваемый, обвиняемый, потерпевший должны иметь право ходатайствовать о прекращении дознания в сокращенной форме вплоть до начала судебного заседания, но не во время заседания и не после удаления суда в совещательную комнату, за исключением случаев, когда появились новые или вновь открывшиеся обстоятельства дела.

Необходимо заметить, что такое внедрение в отечественный уголовный процесс диспозитивных начал «существенно изменяет саму парадигму российского уголовного процесса, принадлежавшего до сего момента к континентальной правовой семье» [9, с. 23], исходящей из сугубо публичной природы уголовного процесса, из убеждения, что государственное по своей природе право не меняется решением частных лиц. Но что случилось, то случилось.

В ст. 226.4 УПК РФ вопросы возникают относительно круга субъектов, которые уведомляются об удовлетворении ходатайства о производстве дознания

в сокращенной форме, поскольку упоминаются только потерпевший и прокурор, но ничего не сказано о подозреваемом [10, с. 183–184]. Понятно, что подозреваемый должен быть ознакомлен с постановлением, вынесенным по его ходатайству, но предписания об этом в законе нет. Думается, что данная статья должна быть дополнена указанием на обязательное ознакомление подозреваемого с постановлением дознавателя об удовлетворении или об отказе в удовлетворении его ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме.

Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме, изложенные в ст. 226.5 УПК РФ, наиболее обсуждаемы в доктрине уголовного процесса. Не имея возможности в рамках статьи откликнуться на все высказываемые по этим особенностям суждения, затронем лишь часть из них.

Самая главная проблема видится в том, что при сокращенной форме дознания по воле законодателя дознавателю нет необходимости заниматься исследованием обстоятельств дела. Говорить сейчас применительно к сокращенному дознанию о процессе доказывания вообще не приходится, поскольку его нет. Процесс доказывания, как известно, – это собирание, проверка и оценка доказательств. Об отсутствии элемента проверки говорит сам законодатель. Дознаватель вправе «не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем», – разрешает п. 1 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ.

От том, что нет и элемента собирания доказательств, свидетельствуют другие предписания закона. «Дознаватель обязан произвести только те следственные и иные процессуальные действия, производство которых может повлечь за собой невозможную утрату следов преступления или иных доказательств», – закрепляется в ч. 2 ст. 226.5 УПК РФ. То есть, если опасности утраты следов преступления или иных доказательств нет, то можно вообще не производить никаких следственных или процессуальных действий. Оберегают дознавателя от излишних телодвижений и другие нормы этой статьи. Дознаватель вправе:

- не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения (п. 2 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ);

- не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении (п. 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ);

- не производить иные следственные и процессуальные действия, направленные на установление фактических обстоятельств, сведения о которых содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении (п. 4 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ).

Таким образом, законодатель фактически допускает использование в качестве доказательств материалов, полученных в процессе предварительной проверки сообщения о преступлении. Данная проверка осуществляется в большинстве своем посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий или других не процессуальных действий. Следовательно, результатам оперативно-розыскной и другой административной деятельности авторы закона пытаются придать силу доказательств, оговаривая в конце ст. 226.5 УПК РФ то, что полученные таким путем сведения могут быть использованы для установления фактических обстоятельств, если они отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам уголовно-процессуальным законом. Но как полученные в период доследственной проверки сведения могут отвечать предъявляемым к доказательствам требованиям, если изначально они не выдерживаются? По сути, собираются сведения, которые, лишь по мнению дознавателя, должны убеждать в виновности лица.

В этой связи вызывают недоумение высказывания некоторых авторов, которые заявляют, что уже в момент возбуждения дела все необходимые обстоятельства будут установлены и дело можно будет направлять в суд [11].

Мы солидарны с другой позицией авторов В. А. Лазаревой и С. А. Шейфера, которые утверждают, что «переноса доказывание в стадию возбуждения уголовного дела и стирая грани между процессуальными и непроцессуальными видами и формами деятельности, законодатель разрушает десятилетиями формировавшееся представление о допустимом доказательстве как доказательстве, полученном в строгой процессуальной форме, фактически ликвидирует институт допустимости доказательств, а с ним и саму процессуальную форму, не создавая притом иного механизма, обеспечивающего как права личности, так и достоверность предлагаемой в качестве доказательства информации» [12, с. 16–20].

Проблема еще и в том, что согласно установленной процедуре получения доказательств при сокращенном дознании из процесса доказывания выхолощен и такой элемент, как оценка доказательств. На ком лежит обязанность оценки доказательств? Получается, что нет такого субъекта. При закрепляемой совсем уж упрощенной досудебной процедуре расследования надежда оставалась только на суд. Но даже тот суррогат, который оказывается в поступившем в суд деле, суду дано право не исследовать. Нормы в императивном варианте предписывают рассматривать такое дело в особом порядке. А это значит, что этапа исследования доказательств в суде не будет. Причем расследованное в сокращенной форме дознания дело попадает в упрощенную

форму судебного разбирательства автоматически. Ни согласия, ни ходатайства потерпевшего или обвиняемого не требуется. «По уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме, – повелевает ч. 1 ст. 226.9 УПК РФ, – судебное производство осуществляется в порядке, установленном статьями 316 и 317 настоящего кодекса, с изъятиями, предусмотренными настоящей статьей». А изъятия эти только порождают новые вопросы. Часть 2 этой статьи предписывает постановлять приговор на основании исследования и оценки тех доказательств, которые указаны в обвинительном постановлении. Но ведь положенные в основу судебного разбирательства ст. 316 и 317 не предполагают ни исследования, ни оценки доказательств в ходе судебного разбирательства, в чем и заключается суть особого порядка судебного производства. «Означает ли это, – задается вопросом А. В. Смирнов, – что ст. 226.9 УПК РФ все-таки разрешает в судебном заседании исследовать доказательства? Но тогда в чем будет состоять особый порядок принятия судебного решения?» [9, с. 30]. Вопрос риторический. А следовательно, правомерен очередной: на основании чего постановляется приговор? Ответ очевиден: на основании признательных показаний самого обвиняемого. Разве это не та формула, от которой так долго уходили в отечественном уголовном процессе: признание – царица доказательств?

О. В. Качалова в этой связи предполагает: «Очевидно, в основу конструкции сокращенного дознания, в частности его доказательственной части, легли положения, вытекающие из принципа состязательности уголовного судопроизводства. Признание своей вины в совершении преступления в условиях состязательного процесса означает фактическое прекращение спора о виновности» [13, с. 35]. Но далее в своих рассуждениях она правильно ссылается на ч. 2 ст. 77 УПК РФ, устанавливающую, что признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств. Эта ссылка дает ей возможность высказать разделяемую нами следующую точку зрения: «Однако изъятия, предусмотренные в доказывании при сокращенной форме дознания (сокращение предмета доказывания, специфический способ собирания доказательств в доследственном порядке, исключение этапа проверки доказательств), не позволяют сделать вывод о том, что в данном случае признание своей вины всегда подтверждается совокупностью собранных доказательств» [там же].

Снижение требований к доказыванию и доказательствам существенно повышает риски судебных ошибок. Мы согласны с А. Г. Калугиным, который критически оценивает ч. 3 ст. 226.5 и ч. 5 ст. 316 УПК РФ,

так как, по его мнению, «в особом порядке орган дознания и суд практически избавлены от обязанности исследовать обстоятельства, указанные в п. 7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания» [14, с. 148].

То есть упрощенная форма досудебного производства перетекает в упрощенную форму судебного разбирательства, и в итоге мы получаем приговор суда, который никак не гарантирует всесторонность, полноту и объективность полученного результата. Казалось бы, в правовом государстве такой процедуре производства по уголовным делам не должно быть места. К такому же выводу, спустя два года после введения дознания в сокращенной форме, приходили в МВД РФ, органе, дознаватели которого расследуют львиную долю всех преступлений, предварительное следствие по которым не обязательно. В начале 2015 г. МВД РФ инициировало принятие нового закона о внесении очередных изменений в УПК РФ в части введения особого порядка досудебного производства. В пояснительной записке авторы законопроекта разъясняли, что этот особый порядок призван заменить дознание в сокращенной форме, поскольку последнее не смогло выполнить возложенные на него задачи [15, с. 24–30].

Однако стремление достичь ускорения расследования и рассмотрения уголовных дел, пусть и за счет сильно упрощенных требований к уголовно-процессуальной форме, перевешивает здравый смысл и удельный вес дел, расследуемых в этой форме дознания, с каждым годом возрастает. Так, из общего количества зарегистрированных преступлений, предварительное следствие по которым необязательно, в 2014 г. в сокращенной форме дознания расследовано 31 201 уголовное дело, что дало прирост в размере +3,2% от указанного количества зарегистрированных преступлений по сравнению с показателями предшествующего отчетного года; в 2015 г. – 57 383 дела (+5,3%); в 2016 г. – 90 103 дела (+9,0%); в 2017 г. – 105 886 дел (+11,1%); в 2018 г. – 100 805 дел, т.е. количественно меньше, чем в предыдущем году, но при этом их удельный вес в общем количестве расследованных преступлений все равно возрос на 2,2%. И только в 2019 г. наметилось незначительное снижение как количества расследованных в сокращенной форме дознания уголовных дел, так и их удельного веса в общем количестве зарегистрированных преступлений «дознавательской» подследственности: 82 532 дела, т.е. –10% по сравнению с аналогичными показателями 2018 г. [16, с. 3–4].

Как тут не вспомнить известную поговорку: собаки лают, караван идет?

В качестве изъяна сокращенной формы дознания выступает и нечеткость определения момента

начала течения срока этого вида производства. Такое утверждение может показаться необоснованным, так как в законе (ст. 226.6 УПК РФ) четко сказано, что производство должно быть окончено в срок, не превышающий 15 суток со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме. Однако эта определенность кажущаяся. Например, обратившиеся к подсчету общего срока рассматриваемого вида дознания ученые насчитали разное количество суток, отводимых для краткой формы дознания. А. С. Александров и М. В. Лапатников пришли к выводу, что реальный срок сокращенного дознания составляет всего девять суток, а не 15, как прописывает закон [7, с. 16–17]. В. А. Лазарева указывает на то, что этот срок может составлять не менее 24 суток [17, с. 12]. А. В. Смирнов рассчитал, что срок предварительного расследования в этом случае легко может составить от 110 суток до 7 месяцев 20 дней [9, с. 26–27].

Обратимся к закону. Постановление о производстве дознания в сокращенной форме дознаватель должен вынести в срок не более 24 часов с момента поступления от подозреваемого ходатайства о производстве такого дознания (ч. 3 ст. 226.4 УПК РФ). Согласно ч. 2 ст. 226.4 УПК РФ подозреваемый вправе заявить такое ходатайство не позднее двух суток со дня, когда ему было разъяснено право заявить ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме. А вот конкретного срока для дознавателя, указывающего, когда он должен разъяснить подозреваемому право ходатайствовать о производстве дознания в сокращенной форме, нет. Часть 1 ст. 226.4 УПК РФ содержит лишь предписание, что дознаватель должен сделать это до начала первого допроса подозреваемого.

Ошибка авторов приведенных двух первых расчетов заключается в том, что они начинали свой отсчет с момента возбуждения уголовного дела, предполагая, видимо, что первый допрос подозреваемого должен состояться в этот же день. Тогда, конечно, дознаватель в день возбуждения дела обязан разъяснить подозреваемому право ходатайствовать о сокращенной форме дознания, максимум через два дня получить от подозреваемого такое ходатайство и еще через сутки вынести постановление о производстве дознания в сокращенной форме. Но у дознавателя нет необходимости производить допрос подозреваемого в день возбуждения уголовного дела. Лишь в случае задержания лица по подозрению в совершении преступления на основании ст. 91 УПК РФ ч. 2 ст. 46 УПК РФ предписывает допросить задержанного, который в этом случае приобретает статус подозреваемого, в срок не позднее 24 часов с момента его фактического задержания. Когда лицо становится подозреваемым на основании возбуждения в отношении него уголовного дела, обя-

занности допрашивать его в этот же день нет. Следовательно, обязать себя производить расследование в сокращенной форме дознания дознаватель может в удобное для него время, когда посчитает нужным первый раз допросить привлекаемое лицо в качестве подозреваемого. Получается, прав А. В. Смирнов, который указывает, что до момента принятия решения о переходе к сокращенной форме дознания может пройти, во-первых, срок доследственной проверки в стадии возбуждения дела, который максимально достигает 30 суток. Во-вторых, если случится так, что решение о сокращенной форме дознания принимается в конце срока общего дознания – почти весь его срок, который может составлять по общему правилу 30 суток, с продлениями – 60 суток, а в отдельных случаях и шесть месяцев. Затем к этому сроку может добавляться еще 15 суток сокращенного дознания, которое может быть продлено и до 20 суток. «Таким образом, – заключает А. В. Смирнов, – «умелое» использование норм УПК РФ о сокращенной форме дознания может привести к тому, что срок предварительного расследования легко может составить от 110 суток до 7 месяцев 20 дней» [9, с. 26–27]. То есть «благое намерение законодателя сэкономить время на производстве расследования может оказаться эфемерным начинанием» [9, с. 26].

Во избежание описанной возможности удлинения срока сокращенного дознания представляется целесообразным законодательно установить срок производства первого допроса подозреваемого после возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица либо определить максимально допустимый срок дознания при принятии решения о его производстве в сокращенной форме, который при всех условиях не мог бы превышать, допустим, 20 суток со дня возбуждения уголовного дела.

Думается, что только при таких условиях удастся сохранить сокращенные сроки производства расследования.

И последнее, на что хотелось бы обратить внимание в плане заявленной проблематики. С точки зрения обеспечения обвиняемому права на защиту сомнительной представляется процедура, в соответствии с которой привлекаемое к ответственности лицо о том, в чем его конкретно обвиняют, узнает непосредственно перед направлением окончательного

производством дела в суд. Впервые видит подозреваемый свое обвинение лишь во время последних процессуальных действий – ознакомления с обвинительным постановлением вместе с другими материалами дела. Обвиняемый лишается в этом случае возможности обосновать свое отношение к сущности обвинения, а в случае выдвижения доводов, опровергающих обвинение, у дознавателя не остается времени для их проверки. К тому же закон от дознавателя этого и не требует. Права М. В. Сидоренко, которая утверждает, что установленная для дознания процедура вынуждает направлять дело в суд «при фактически невыясненной позиции обвиняемого по сути инкриминируемого обвинения» [18, с. 18].

Установив сокращенную форму дознания, законодатель одновременно закрепил возможность прекращения на любом этапе производства дознания в сокращенной форме и возвращения к общему порядку дознания. Такое предписание, видимо, продиктовано тем, что он осознает возможную незаконность принимаемых в этом виде производства решений. Уместным в этой связи представляется суждение корифея уголовного процесса П. А. Лупинской, которая подчеркивала, что результатом дифференциации уголовного судопроизводства в направлении его упрощения может стать ликвидация части процессуальных гарантий [19, с. 24].

А. В. Кочетова [20] в этой связи указывает, что расширение упрощенных и ускоренных процедур в уголовном судопроизводстве уже привело к формализации уголовного процесса, в связи с чем он утрачивает свое назначение. Подобные решения о дифференциации процессуальной формы должны быть взвешенными и обоснованными, позволяющими оптимизировать судопроизводство и обеспечить его эффективность, а также гарантировать права и законные интересы участников процесса. Скорое правосудие не должно создавать опасность нарушения прав участников уголовного процесса независимо от их процессуального положения. Консолидируясь с этой точкой зрения, отметим, что законодателю следует обратить внимание на тот факт, что отдельные процессуальные процедуры перестали гарантировать соблюдение прав вовлеченных в производство по делу участников и объективный результат расследования и судебного разбирательства.

Пристатейный библиографический список

1. Словарь иностранных слов. 18-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1989.
2. Даровских О. И. К вопросу о дифференциации в уголовном судопроизводстве // Дифференциация уголовного судопроизводства как гарантия обеспечения прав участников уголовного судопроизводства: сборник научных статей. Челябинск: Цицеро, 2015.

3. *Кувалдина Ю. В., Лазарева В. А.* Сокращенное дознание: соответствует ли процедура назначению уголовного судопроизводства // Вестник СамГУ. 2014. № 11/1 (122).
4. *Хромова Н. В.* Принцип презумпции невиновности при особом порядке судебного разбирательства // Журнал российского права. 2013. № 6.
5. *Ковтун Н. Н.* Дознание в сокращенной форме: коллизии и лакуны нормативного регулирования // Российская юстиция. 2013. № 12.
6. *Герасенков В. М.* Актуальные вопросы производства дознания в сокращенной форме // Вестник Брянского университета. 2015. № 1.
7. *Александров А. В., Лапатников М. В.* Сокращенное дознание : новеллы УПК РФ и сложности их применения // Уголовный процесс. 2013. № 4.
8. *Арестова Е. Н., Крюкова Н. И.* Правовое положение потерпевшего при производстве дознания в сокращенной форме // Российский следователь. 2017. № 9.
9. *Смирнов А. В.* Дознание в сокращенной форме : еще раз о духе законов // Уголовный процесс. 2013. № 6.
10. *Цинова М. В.* О некоторых вопросах заявления подозреваемым ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме // Общество и право. 2015. № 2 (52).
11. *Подковырова Ю. С.* Сокращенная форма дознания – пределы доказывания // Законность. 2018. № 3 (1001).
12. *Лазарева В. А., Шейфер С. А.* О понятии доказательства в связи с особенностями дознания, проводимого в сокращенной форме // Законы России : опыт, анализ, практика. 2017. № 5.
13. *Качалова О. В.* Доказывание при сокращенной форме дознания // Уголовный процесс. 2013. № 6.
14. *Калугин А. Г.* Доказывание при осуществлении производства по уголовному делу в сокращенных формах : оптимизация или упрощение? // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12 (61).
15. *Алексеев И. М.* Анализ предложений МВД России о новом особом порядке досудебного производства // Уголовный процесс. 2015. № 9.
16. *Горбань А. С.* Особенности организации расследования при производстве дознания в сокращенной форме : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2021.
17. *Лазарева В. А.* Негативные последствия грядущих изменений в процедуре дознания // Уголовный процесс. 2012. № 8.
18. *Сидоренко М. В.* Коллизии процессуальной формы доказывания в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Российский следователь. 2017. № 2.
19. *Лупинская П. А.* Решения в уголовном судопроизводстве : теория, законодательство, практика. М. : ИНФРА-М, 2010.
20. *Кочетова А. В.* О сущности уголовно-процессуальной формы и ее дифференциации // Дифференциация уголовного судопроизводства как гарантия обеспечения прав участников уголовного судопроизводства : сборник научных статей. Челябинск : Цицеро, 2015.

References

1. Dictionary of Foreign Words. 18th ed. Moscow: Russkii iazyk, 1989.
2. *Darovskikh O. I.* On the Differentiation in Criminal Proceedings. In Differentiation of Criminal Proceedings as a Guarantee of Ensuring the Rights of Participants in Criminal Proceedings: Collection of Scientific Articles. Chelyabinsk: Cicero, 2015.
3. *Kuvaldina Iu. V., Lazareva V. A.* Abbreviated Inquiry: Does the Procedure Correspond to the Purpose of Criminal Proceedings. *Bulletin of SamGU*. 2014. No. 11/1 (122).
4. *Khromova N. V.* The Principle of the Presumption of Innocence in a Special Procedure for Trial. *Journal of Russian Law*. 2013. No. 6.
5. *Kovtun N. N.* Inquiry in Abbreviated Form: Collisions and Gaps in Regulatory Regulation. *Russian Justice*. 2013. No. 12.
6. *Gerashenkov V. M.* Actual Issues of the Production of Inquiry in an Abbreviated Form. *Bulletin of Bryansk University*. 2015. No. 1.
7. *Aleksandrov A. V., Lapatnikov M. V.* Abbreviated Inquiry: Novelties of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the Difficulties of Their Application. *Criminal Process*. 2013. No. 4.
8. *Arestova E. N., Kryukova N. I.* The Legal Status of the Victim in the Course of the Inquiry in an Abbreviated Form. *Russian Investigator*. 2017. No. 9.

9. *Smirnov A. V.* Inquiry in an Abbreviated Form: Once Again About the Spirit of Laws. *Criminal Process*. 2013. No. 6.
10. *Tsynova M. V.* On Some Issues of the Application by the Suspects of the Petition for the Production of an Inquiry in an Abbreviated Form. *Society and Law*. 2015. No. 2 (52).
11. *Podkovyrova Iu. S.* Abbreviated Form of Inquiry – The Limits of Proof. *Legitimacy*. 2018. No. 3 (1001).
12. *Lazareva V. A., Sheifer S. A.* On the Concept of Evidence in Connection With the Peculiarities of an Inquiry Conducted in an Abbreviated Form. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2017. No. 5.
13. *Kachalova O. V.* Evidence in an Abbreviated Form of Inquiry. *Criminal Process*. 2013. No. 6.
14. *Kalugin A. G.* Evidence in the Course of Criminal Proceedings in Abbreviated Forms: Optimization or Simplification? *Actual Problems of Russian Law*. 2015. No. 12 (61).
15. *Alekseev I. M.* Analysis of the Proposals of the Ministry of Internal Affairs of Russia on a New Special Procedure for Pre-trial Proceedings. *Criminal Process*. 2015. No. 9.
16. *Gorban A. S.* Features of the Organization of the Investigation in the Production of Inquiry in an Abbreviated Form: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Krasnodar, 2021.
17. *Lazareva V. A.* Negative Consequences of Future Changes in the Inquiry Procedure. *Criminal Trial*. 2012. No. 8.
18. *Sidorenko M. V.* Collisions of the Procedural Form of Proof in the Pre-Trial Stages of Criminal Proceedings. *Russian Investigator*. 2017. No. 2.
19. *Lupinskaia P. A.* Decisions in Criminal Proceedings: Theory, Legislation, Practice. Moscow: Infra-M, 2010.
20. *Kochetova A. V.* On the Essence of the Criminal Procedure Form and its Differentiation. In *Differentiation of Criminal Proceedings as a Guarantee of Ensuring the Rights of Participants in Criminal Proceedings: Collection of Scientific Articles*. Chelyabinsk: Cicero, 2015.